

Прогресс человеческого общества неразрывно связан с оптимизацией социального обмена деятельностью, критерием которого выступает снижение транзакционных издержек. Научно-технические достижения, разделение и кооперация труда, субординация и ординация между индивидами и многие другие социальные феномены и институты тем успешнее способствуют экономному получению человечеством необходимых веществ и энергии из природы, чем выше уровень социального прогресса в обществе. По мере усложнения общества разделенного труда названная зависимость усиливается. Во многом поэтому в XX веке в экономической теории возникло и бурно развивается сегодня социально-институциональное направление, концентрирующее внимание на социальных механизмах сокращения транзакционных издержек.

УДК 330.1

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РЕСУРС

д-р экон. наук С.Ю. СОЛОДОВНИКОВ

(Белорусский национальный технический университет, Минск)

Раскрывается сущность социального капитала как экономического ресурса, когда под ним понимается сумма выгод, получаемых субъектами от взаимных определенных информационных действий (как совокупности межличностных отношений, снижающих транзакционные издержки) с целью взаимовыгодного сотрудничества, достигаемого путем информационного обмена и позволяющего получить осязаемую социально-экономическую выгоду. Доказывается, что специфическим свойством социального капитала является то, что его совокупное количество в обществе не является суммой «социальных капиталов» всех его социальных и социально-экономических субъектов. Показаны направления усиления экономического эффекта в Республике Беларусь от роста социального потенциала общества и совершенствования форм его капитализации.

При достаточно глубоком рассмотрении любого экономического отношения в основе его всегда обнаруживается социальный обмен деятельностью. Прогресс человеческого общества неразрывно связан с оптимизацией этого обмена, критерием которого выступает снижение транзакционных издержек. Научно-технические достижения, разделение и кооперация труда, субординация и ординация между индивидами, многие другие социальные феномены и институты тем успешнее способствуют экономному получению человечеством необходимых веществ и энергии из природы, чем выше уровень социального прогресса в обществе. По мере усложнения общества разделенного труда названная зависимость усиливается, что непосредственно предопределяется необходимостью предоставления большей степени экономической свободы хозяйственным субъектам как основы для получения положительного синергетического эффекта от усложняющейся экономической системы общества. Тем самым это во многом в экономической теории в XX веке определило возникновение и бурное развитие социально-институционального направления, концентрирующего внимание на социальных механизмах сокращения транзакционных издержек.

Республика Беларусь – молодое динамично развивающееся государство, экономическая система которого функционирует в условиях диалектического единства общего и особенного. Реальные экономические отношения в Беларуси развиваются под воздействием универсальных экономических законов и закономерностей, трансформирующихся под воздействием уникальных институциональных её особенностей. Ввиду этих особенностей для нашей страны не приемлемо слепое копирование теоретических подходов и практических механизмов, выработанных и использованных в других социумах. Перед белорусской политической экономией сегодня стоит задача предложить концепцию обеспечения устойчивого социально-эколого-экономического развития Беларуси как основы её жизнедеятельности.

В современном глобализирующемся мире ни одно государство не может обеспечить свое устойчивое социально-эколого-экономическое развитие без непрерывного роста социального потенциала общества в целом, групп и классов, в него входящих, отдельных индивидов. Увеличение социального по-

тенциала на всех уровнях – важнейшая предпосылка усиления социально-экономической жизненности. В свою очередь, внесение в предметную область экономической науки социальных факторов экономического роста, социального потенциала и исторических форм его капитализации – это основа теоретического обновления отечественной экономики, предпосылка для усиления практической и идеологической отдачи от разработок белорусских гуманитариев.

Основная часть. В настоящее время в обществоведении появилось большое количество новых понятий, при формулировании которых используется такая экономическая категория, как «капитал». Этот гносеологически позитивный процесс, свидетельствующий, помимо прочего, о продолжающейся конвергенции социальных наук, заставляет ученых экономистов не только попытаться еще раз уточнить категорию «капитал», но и включить в предметную область экономической теории исследование таких «пограничных» общественных феноменов, как социальный, административный, политический, культурный и символический капитал. Вместе с тем автор солидарен с исследователями, которые в своих работах исходят (или исходили) из признания определяющей роли в экономической системе общества экономического капитала по сравнению с другими капиталами, или, в терминологии Пьера Бурдьё, полями. В частности, Бурдьё отмечал, что хозяйственная жизнь является той областью, в которой «экономическое поле стремится навязать свою структуру другим полям» [1, с. 57], и что «...экономический капитал образует основу всех других форм капитала. И хотя последние полностью к нему не сводятся, они оказывают свое воздействие лишь в той мере, в какой скрывают наличие в своей основе экономического капитала, который желает оставаться неузнанным» [14, с. 106]. Аналогичной точки зрения придерживается и В.В. Радаев, указывая на то, что «каждый капитал стремится к доминированию, однако среди всех перечисленных форм экономического капитал по праву занимает центральное место» [7, с. 29], поскольку, «во-первых, логически он наиболее близок своему изначальному политико-экономическому понятию» [7, с. 29]; во-вторых, хозяйственная жизнь является той областью, в которой экономический капитал (включающий в своем объективированном состоянии: денежный капитал, или финансовые средства; производственный капитал, или средства производства; товарный капитал, или готовые продукты) стремится навязать свою форму другим социальным отношениям; «в-третьих, на эмпирическом уровне параметры экономического капитала, как правило, коррелируют со многими параметрами, обозначающими количество и качество прочих ресурсов» [7, с. 29]. Вместе с тем следует подчеркнуть, что автор полностью согласен с исследователями, считающими, что «...при сведении всей совокупности ресурсов к экономическому капиталу понимание хозяйственного процесса становится невозможным» [7, с. 29].

Начиная с 90-х годов прошлого века в обществоведении активно обсуждается такая форма капитала, как социальный капитал [12]. Один из авторов, Р. Патнем, определивший направление дискуссии о социальном капитале, представил социальный капитал как «... характеристики социальной жизни – сети, нормы и доверие, которые побуждают участников к более эффективному совместному действию по достижению общих целей» [18, с. 66]. Как отмечает Дж. Коулман, эта форма капитала связана с установлением и поддержанием связей с другими хозяйственными агентами. Социальный капитал, по его мнению, – это совокупность отношений, порождающих действия. Эти отношения связаны с ожиданиями того, что другие агенты будут выполнять свои обязательства без применения санкций [4; 15]. Эта одновременная концентрация ожиданий и обязательств выражается обобщающим понятием *доверия* [trust]. Чем больше обязательств накоплено в данном сообществе, тем выше «вера в реципрокность», или взаимность [reciprocity], и следовательно выше уровень социального капитала [18, с. 66]. Объективированную структурную основу социального капитала, как справедливо отмечает В.В. Радаев, «...формируют *сети социальных связей*, которые используются для транслирования информации, экономии ресурсов, взаимного обучения правилам поведения, формирования репутаций. На основе социальных сетей, которые часто имеют тенденцию к относительной замкнутости, складывается институциональная основа социального капитала – принадлежность к определенному *социальному кругу*, или *членство в группе*» [7, с. 27]. Иными словами, «социальный капитал представляет собой совокупность реальных или потенциальных ресурсов, которые связаны с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания, то есть членством в группе. Последняя дает своим членам опору в виде коллективного капитала [collectively-owned capital]» [14, с. 102–103]. Вместе с тем П. Бурдьё подчеркивает, что социальный капитал – это нечто больше, нежели просто сеть групповых связей. Его природа предполагает трансформацию устойчивых отношений, таких как соседство, отношения в коллективе коллег и даже родственные связи, в отношения, являющиеся «необходимыми и выбранными, которые предполагают длительные субъективно-эмоциональные обязательства (чувства благодарности, уважения, дружбы и т.д.)» [14]. Поскольку социальный капитал распределяется между элементарными социальными группами и классами неравномерно, то он выступает в качестве важного фактора воспроизводства социально-классовой структуры общества. Измерение социального капитала, как справедливо отмечают социологи, возможно только через *степень включенности* в те или иные сети, а также через институциональные характеристики самих этих сетей [6].

В настоящее время в качестве первой концептуальной проработки категории «социальный капитал», хотя само это понятие и ранее встречалось в научной литературе, справедливо признается публикация статьи Д. Коулмана «Капитал социальный и человеческий». Следует согласиться с российским экономистом И.Е. Дискиным, что «без ознакомления с ней... довольно затруднительно прояснить, ответом на какие проблемы и вызовы экономической теории стала разработка концепции “социального капитала”». В свою очередь проникновение в “теоретическую кухню” формирования концепции позволяет глубже понять не только теоретические, но и методологические посылки, без которых участие российских исследований в развитии соответствующей теории будет существенно менее плодотворно» [2]. При этом, исходя из требований, предъявляемых к современной социально-экономической гносеологии, на наш взгляд, следует попытаться дать внутренне не противоречивые определения понятий, использованных Дж. Коулманом при выработке парадигмы социального капитала как продуктивной интеграции традиционных экономических концепций с социологическими и политологическими построениями. «Такая интеграция, – подчеркивает И.Е. Дискин, – оказалась одним из приоритетных направлений развития экономической теории. Достаточно указать, что в последние годы Нобелевские премии по экономике присуждаются ученым, работающим на стыке экономики и социологии (рациональный выбор и этические элементы, микроэкономика). Вполне отчетливо прослеживаются взаимосвязи “социального капитала”, с одной стороны, и институциональной и эволюционной экономики – с другой. В многочисленных последующих работах, посвященных развитию концепции “социального капитала”, эти взаимосвязи получили свое развитие. По существу, “социальный капитал” сегодня прочно встроен в структуру институционального подхода» [6].

Перед тем как приступить к раскрытию понятия социального капитала в статье «Капитал социальный и человеческий», Дж. Коулман отмечает, что «существуют два научных направления, описывающих и объясняющих социальное поведение. Первое, характерное для большинства социологов, рассматривает актора как социализированный элемент, а его поведение – управляемое социальными нормами, правилами и обязательствами... Для представителей другого направления, включающих большинство экономистов, характерен подход к акторам (в данном контексте это синоним понятия субъекты – С. С.) как к лицам, принимающим самостоятельные решения и действующим независимо, руководствуясь собственными интересами» [4, с. 122].

В связи с тем, что оба выделяемые Дж. Коулманом научные направления, описывающие и объясняющие социальное поведение, «имеют серьезные недостатки» [4, с. 122], необходимо, по его мнению, «взять концептуальную основу одного направления и инкорпорировать в нее элементы другого, не нарушая общей структуры» [4, с. 123]. Вместе с тем Коулман преследовал гносеологическую цель, которая заключалась «в использовании экономических принципов рационального поведения в анализе социальных систем, при этом не ограничиваясь рассмотрением экономических систем и выполняя анализ таким образом, чтобы не выпадала социальная организация» [4, с. 123].

«Концепция социального капитала, – отмечает далее Дж. Коулман, – инструмент, который помогает выполнить подобный анализ» [4, с. 123]. Далее он указывает, что «социальный капитал определяется своими функциями. Он включает в себя множество различных составляющих, которые характеризуются двумя общими свойствами: они, во-первых, состоят из нескольких социальных структур и, во-вторых, облегчают определенные действия акторов (*субъектов* – С. С.) внутри структуры, будь то индивид или корпорация. Подобно другим формам капитала, социальный капитал продуктивен. Он способствует достижению определенных целей, добиться которых при его отсутствии невозможно. Подобно физическому и человеческому капиталу, социальный капитал не подпадает под строгую дефиницию, но он может обладать специфическими особенностями в определенных сферах. Данная форма социального капитала имеет свою ценность в упрощении определенных действий, которая может оказаться бесполезной или даже вредной для других» [4, с. 124]. В отличие от иных форм капитала, социальный капитал, пишет Дж. Коулман, «...свойственен структуре связей между акторами (*субъектами* – С. С.) и среди них. Это не зависит ни от самих акторов (*субъектов* – С. С.), ни от средств производства. Более того, организации, преследующие определенные цели, могут быть акторами (так называемый корпоративный актор), как и индивид. Связи внутри корпоративных акторов (*субъектов* – С. С.) также могут создавать для них социальный капитал (при этом наиболее известным примером является обмен информацией, которая позволяет устанавливать фиксированные цены в пределах одной отрасли)» [4, с. 124].

Функциональное назначение социального капитала в экономической системе общества, в макро- и микроэкономических системах заключается в оптимизации (снижении транзакционных издержек) взаимодействия субъектов в процессе их хозяйственной деятельности. Социальный капитал еще менее осязаем, чем человеческий капитал, «...поскольку он существует только во взаимоотношениях индивидов. Так же как физический и человеческий капиталы, – подчеркивает Дж. Коулман, – социальный капитал облегчает производственную деятельность» [4, с. 126]. Как известно, всякое общество является сложным социальным агрегатом, состоящим из совокупности взаимодействующих субъектов, распадающихся не

прямо на индивидов, а на два или большее число социальных общностей, которые уже в свою очередь разлагаются на индивидов. В основе выделения той или иной социальной структуры лежит функциональная или причинная связь взаимодействующих индивидов. В зависимости от степени интенсивности этой связи возникает возможность существования ряда структур в одной и той же совокупности людей. Характер такой связи будет показывать рядоположность и пересекающееся сосуществование социальных групп. Как пишет П.А. Сорокин, «степень интенсивности функциональной связи и ее характер – такова основа возможности сосуществования ряда коллективных единств в одном и том же населении» [11, с. 18]. Далее П.А. Сорокин указывает, что социальная разновидность процессов взаимодействия или характер связей «... влечет за собой многообразие коллективных единств, образуемых различно комбинирующимися индивидами, с одной стороны, с другой – принадлежность каждого индивида не к одному, а к ряду реальных совокупностей» [11, с. 18]. Именно это многообразие социально-экономических субъектов, порождаемое и воспроизводимое существующими формами разделения труда, вызывает: *во-первых*, невозможность экономичного (оптимального) согласования интересов разнообразных субъектов схожей и различной степени интегрированности без использования социального капитала; *во-вторых*, возможность негативного воздействия на эффективность функционирования экономической системы общества некоторых развитых форм социального капитала в ряде локальных экономических систем и субъектов (например: высокая степень доверия и взаимопонимания между руководством предприятий, совместно обеспечивающих основную долю производства продукции в той или иной отрасли, делает возможным монопольное повышение ими цен на свою продукцию без юридического или иного формализованного оформления ими «картельных» соглашений); *в-третьих*, существование в современной социально-ориентированной рыночной экономике механизмов согласования результатов функционирования различных форм социального капитала с целью создания наиболее благоприятных условий для усиления экономической жизнеспособности социума и для обеспечения максимально возможного для данного уровня общественного развития социального равенства.

Социальный ресурс (или потенциал), оформляющийся при определенных условиях в социальный капитал, появился на заре человеческой истории вместе с развитием трудовых отношений, возникновением и углублением разделения труда и порождаемой этим социально-классовой дифференциацией индивидов. Поскольку существование и развитие человеческого общества, обеспечение его материальной базы возможно лишь на основе труда, то и значительное увеличение численности населения планеты и отдельных регионов за последние десять тысяч лет стало возможным за счет значительного повышения производительности общественного труда, что было обусловлено как инновационными способностями людей и углублением разделения труда, так и совершенствованием различных общественных механизмов согласования интересов все более разнообразных социальных и социально-классовых субъектов, в том числе и за счет развития социального капитала.

Эффективное функционирование трудовых отношений невозможно без использования социального капитала. В свою очередь, именно в процессе становления общества разделенного труда формировались такие важнейшие составляющие социального капитала, как: обязательства, ожидания и надежность структуры; возможность получения информации с наименьшими издержками; существование норм (включающих в себя альтруистическое поведение в интересах социальной общности) и эффективных санкций; относительная замкнутость и апроприативность (способность кумулятивной или элементарной социальной группы, первоначально созданной для одних целей или сформировавшейся для оптимизации своих социально-экономических интересов в определенных условиях, по мере выполнения этих целей и/или изменения условий трансформироваться в группу, преследующую другие цели).

Как известно, потребность социального субъекта, детерминированная конкретным видом производственной деятельности, форсирует социальную направленность в овладении определенной суммой знаний и формировании соответствующих идей, взглядов, которые и образуют впоследствии вид общественного сознания, то есть положение, объективно занимаемое субъектом в системе общественного производства, вынуждает его к определенным действиям с целью закрепления или создания оптимальных условий своей жизнедеятельности, которые рефлексированы в соответствующей форме сознания и социального капитала. Все это способствует формированию при определенных социально-исторических условиях конкретного социального типа личности и адекватных ему форм социального капитала.

Поскольку все социальные группы в обществе взаимодействуют друг с другом и при этом стремятся к наиболее оптимальной реализации своих интересов (прежде всего экономических), то все общество объективно должно распадаться на некие большие группы людей, противостоящих друг другу в зависимости от степени совпадения (противопоставления) их интересов (прежде всего экономических). Что же будет предопределять это совпадение (противопоставление)? На наш взгляд, это все та же возможность одними социальными группами присваивать себе труд других (что зависит от их места и функциональной роли). Для защиты своих экономических интересов происходит стихийное объединение тех и других в социальные классы. Такое объединение выступает в качестве экономической базы образова-

ния социальных классов. По этому поводу Р. Дарендорф в работе «Class and class conflict in industrial society» (London, 1957) писал, что «класс – это категория, которая используется при анализе динамики социального конфликта и его структурных корней» [16, с. 65]. Вместе с тем социальный класс не только экономическое, но и социальное, политическое и духовно-идеологическое образование.

Карл Маркс в «Нищете философии» пишет: «Экономические условия превратили сначала массу народонаселения в рабочих. Господство капитала создало для этой массы одинаковое положение и общие интересы. Таким образом, эта масса является уже классами по отношению к капиталу, но еще не для себя самой. В борьбе... эта масса спланивается, она конституируется как класс для себя. Защищаемые ею интересы становятся классовыми интересами» [5, с. 183]. Из данной цитаты ясно, что в процессе возникновения и развития социальных классов, по мнению К. Маркса, существует такая форма социальной организации, когда люди, находящиеся в положении, определенном некоторыми критериями (место и роль в системе функционально-трудовых отношений, отношений собственности, управленческих отношений и особые экономические интересы), еще не объединены внутренней связью сознательных (идеологических) отношений, а лишь связаны системой субъективных отношений и объективных зависимостей, существующих в рамках производственных отношений. В таком случае мы говорим, что они образуют «класс в себе», который, правда, не является простой совокупностью, поскольку связан системой объективных отношений, но и не представляет еще класса «для себя», то есть не обладает еще вполне развитым сознанием своих классовых, экономических и политических интересов. Причем объективные классовые интересы отражаются в субъективном классовом сознании отнюдь не зеркально. Осознание своих существенных, истинных интересов, без чего невозможно превращение «класса в себя» в «класс для себя», неизбежно происходит через систему психологических установок, почерпнутых из предыдущего исторического опыта. Социальный класс может стать «классом для себя», лишь выработав собственную идеологию. На основе всего этого и происходит его организационное оформление. В случае рассмотрения такого подхода с использованием современного понятия «социальный капитал» можно констатировать, что превращение социального класса в «класс для себя» неизбежно сопровождается (вызывается?) ростом социального капитала в этой социально-классовой общности.

Отметим, что под влиянием данного положения Маркса о «классе для себя» М. Вебер предлагал разграничивать в социально-классовой структуре «класс» и «социальный класс». Под классом он понимал социальную общность, связанную лишь сходством экономических интересов, «экономического положения» данной категории субъектов. Категорией «социальный класс» М. Вебер показывал, что высшим проявлением классовой общности служит мобилизующая и побуждающая к коллективным действиям осознанность своих классовых экономических и политических интересов и целей [19]. В современной научной лексике это назвали бы возрастанием социального капитала социальной группы.

Классик французской социологии П. Бурдьё (один из признанных специалистов в области изучения социального капитала) также предлагает разграничивать возможные (логические) и реальные социальные классы. По его мнению, на основании знания экономических и других отношений можно «... вычленив классы в логическом смысле этого слова, то есть класса как совокупность агентов, занимающих сходную позицию, которые, будучи размещены в сходных условиях и подчинены сходным обусловленностям, имеют все шансы для обладания сходными диспозициями и интересами и, следовательно, для выработки сходной практики и занятия сходных позиций» [1, с. 59]. Бурдьё справедливо считает, что данный класс «на бумаге» имеет теоретическое существование, «...он позволяет объяснить и предвидеть практики и свойства классифицируемых и ...поведение, ведущее к объединению их в группу (*в реальный социальный класс* – С. С.)» [1, с. 59]. «...Это лишь возможный класс, поскольку он есть совокупность агентов, которые объективно будут оказывать меньше сопротивления в случае необходимости их “мобилизации”, чем какая-либо другая совокупность агентов» [1, с. 59]. Превращение логического класса в реальный социальный класс, пишет он далее, возможно лишь через выработку у его членов чувства позиции, «занимаемой в социальном пространстве» [1, с. 65] (*социально-классовых отношений* – С. С.). Думается, что именно необходимость выработки методологической четкости в понимании процессов социального генезиса заставили П. Бурдьё в дальнейшем принять участие в выработке парадигмы социального капитала, позволяющей уточнить описанный выше процесс классовых метаморфоз.

Аналогичной с П. Бурдьё точки зрения в вопросе понимания классов придерживается И. Краус. Он пишет: «Классы... являются конфликтными группами, тот или другой, объединяясь, оспаривают существующее распределение власти, преимуществ и других возможностей... классы формируются, когда совокупность индивидов определяет свои интересы как сходные с интересами других из той же совокупности и как отличающиеся и противостоящие интересам другой совокупности лиц...» [17, с. 12]. Данный исследователь также подчеркивает важную роль в процессе формирования социального класса наличия у последнего собственной идеологии [16, с. 15–16], иначе говоря, развитого социального капитала.

Таким образом, правомерен вывод, что в политической экономии попытки исследования такого общественного явления, обозначаемого в современной науке дифиницией «социальный капитал», под кото-

рым понимаются суммы выгод, получаемых субъектами от взаимных определенных информационных действий (как совокупности межличностных отношений, снижающих транзакционные издержки) с целью взаимовыгодного сотрудничества, достигаемого путем информационного обмена и позволяющего получить осязаемую социально-экономическую выгоду, предпринимались уже в середине XIX века. Вместе с тем по ряду причин гносеологического и исторического характера до конца XX века ученым не удалось вплотную подойти к формулированию парадигмы социального капитала. В настоящее время активизация исследований в этом направлении во многом предопределена необходимостью выработки теоретических и практических рекомендаций по изменению государственной социально-экономической политики и усилий общественности в условиях необходимости перехода к постиндустриальному технико-технологическому укладу и создания нового социально-научного сообщества, персонифицирующего этот переход.

Заключение. Для усиления продукционного эффекта от социального капитала Республике Беларусь необходимо пройти несколько взаимосвязанных (и зачастую параллельно протекающих) этапов:

1) необходимо законодательно закрепить за экономическими субъектами такие функции в обществе, которые соответствуют движению к социально-ориентированной экономической системе. При этом изменение законодательства должно происходить в направлении усиления целенаправленного конфигурирования государством (институциональными методами и созданием соответствующей правовой базы) социальной структуры общества на основе создания приоритетно стимулирующих условий для развития групп и классов, являющихся выразителями трудовых и системных интересов и определяющих успешность накопления социального капитала на уровне общества и перехода к постиндустриальному пути технологического развития, прежде всего таких, как интеллигенция, менеджеры, государственные управленцы; целенаправленного качественного изменения класса рабочих и крестьянства (в направлении роста их профессионализма и адаптации к новым постиндустриальным технологиям), класса служащих силовых структур (в направлении сокращения их численности и роста профессионализма). При этом необходимо обеспечить защиту социально-экономических интересов детей и учащейся молодежи, сокращение деклассированных групп;

2) для ослабления уравнилельных тенденций, которые неизбежно возникают в социально-ориентированной модели, базирующейся на некоммунальной материально-технологической среде, необходимо институционально содействовать формированию на уровне хозяйственных субъектов социального капитала («корпоративной культуры») в тех формах и объемах, пока он (социальный капитал) используется главным образом в продукционных целях, а не становится выразителем монопольных экономических интересов и не препятствует накоплению социального капитала на уровне общества. Важным механизмом при этом должна стать этика бизнеса, когда и процесс оценки экономических решений происходит на основе соотнесения их с моральными стандартами, присущими культуре данного общества, и внутренняя работа в компании происходит в соответствии с этическими нормами;

3) в трансформационных экономических системах необходимо, чтобы государство играло ведущую роль в конфигурировании социально-экономических интересов социальных субъектов (для снижения социальной напряженности в обществе, роста социального капитала на общественном уровне, увеличения социального капитала в социальных группах, в том числе в классах, и хозяйственных субъектах в формах и пропорциях, не искажающих сущность белорусской социально-экономической модели – социально-ориентированной, устойчивой, рыночной). При этом необходимо учитывать, что специфика функционирования социального капитала в Республике Беларусь позволяет говорить о потенциальных возможностях понижения продукционного эффекта от социального капитала в масштабах национальной экономики за счет чрезмерного развития социального капитала как на уровне общества (ведущего к усилению уравнилельных тенденций в экономической жизни – раздаточный характер распределения, свертывание товарно-денежных отношений и т.д.), так и на уровне частных социально-экономических субъектов (приводящее к усилению монопольных тенденций);

4) необходимо проводить целенаправленную политику, гарантирующую невозможность присвоение социального капитала, накопленного на уровне общества частными экономическими субъектами – социальными классами, группами, крупными хозяйственными субъектами и т.д.;

5) необходимо в ближайшие годы преодолеть ряд негативных факторов, отрицательно влияющих на накопление человеческого и социального капиталов, таких как: распределение средств государственного бюджета не в пользу науки; недостаточное число работников науки и научного обслуживания, что явилось следствием длительного сокращения их численности (за последние пятнадцать лет в республике численность работников, выполняющих научные исследования и разработки, сократилась в 3,7 раза, в том числе исследователей – в 3,5 раза); снижение среднего квалификационного уровня преподавателей высшей школы, а следовательно, снижение качества подготовки студентов; дискредитация фундаментальной науки, что отрицательно сказывается на уровне подготовки научных кадров; нехватка промышленных рабочих высшей квалификации (в Германии их 52 % от общего числа индустриальных рабочих, в США – около 40 %, в Беларуси – 7–8 %, в России – 2 %);

б) необходимо формирование новой экономической идеологии:

- путем осознания социальными группами и классами своих социально-экономических интересов и на этой основе – самоидентификация общественных групп в новом социально-экономическом пространстве (именно в регулярно повторяющихся актах борьбы за совместную реализацию своих экономических интересов происходит объединение индивидов в элементарные социальные группы и классы), что помимо прочего будет способствовать построению гражданского общества;

- осознания большей частью людей зависимости своего социального и экономического положения от успешности социально-экономического развития социума в целом (адаптация к новому статусу и роли);

- формирования у субъектов хозяйствования экономического поведения, адекватного социально-ориентированной экономике;

- формирования у большинства работников новой трудовой постиндустриальной культуры и адекватных ей социальных качеств;

- прекращения экономической дискриминации науки, системы высшего образования и возрастания роли науки о человеке, обществе, природе в процессе сознательного регулирования социальных и социально-экономических процессов;

- государственного финансирования системных мероприятий по научной разработке государственной идеологии;

7) необходимо формировать новую нравственную экономическую культуру:

- путем конфигурирования процесса организации неформальных объединений в виде деловых сетей, функционирование которых основано на высокой степени взаимного доверия, постоянных взаимных услугах, негласных договорах, которые лишь отчасти отражаются в формальных договорах, дополняя их. Экономический эффект от социального капитала в данном случае заключается в формировании этики внутрисетевых отношений, позволяющей оказывать широкий спектр неформальных услуг «для своих»: скидки, задержки оплаты, кредиты под низкий процент, вето на использование кабальных условий, запрет на применение силы при решении хозяйственных споров и т.д. В данном случае дополнение юридических (формальных) отношений межличностной системой взаимопомощи, основанной на общих этических принципах, позволяет повысить уровень экономической безопасности бизнеса, так как является действенным способом снижения рыночных рисков и нестабильности, катализатором деловой активности;

- совершенствование социально-экономических механизмов получения и использования информации хозяйственными субъектами за счет социального капитала как способа экономии транзакционных издержек. Неравномерность в распределении информации и, соответственно, неполнота обладания ею являются важным атрибутом экономической системы общества. Социальный капитал позволяет индивиду получить недостающую информацию путем обмена между участниками соответствующих социальных сетей. Таким образом, удастся с наименьшими издержками уменьшить негативные хозяйственные последствия от асимметричности распределения информации и, следовательно, повысить безопасность экономических систем различной степени интегрированности;

- формирование новых посткапиталистических финансовых отношений на основе нравственных (в том числе и религиозных) принципов. В случае если кредитные отношения внутри сообщества, обладающего достаточным для этого социальным капиталом, строятся на оптимальном сочетании формальных и неформальных финансовых институтов, подкрепленных едиными моральными позициями, то они становятся наиболее конкурентными, чем формальные финансовые институты, работающие в рамках классического капиталистического хозяйственного уклада. В первом случае расширяется ресурсная база кредитования, облегчается получение кредитов, когда залогом выступают не только (и не столько) материальные ресурсы, а доверие, то есть социальный потенциал кредитополучателя. Сегодня примером такой эффективной системы кредитования может служить исламский банкинг. Для Республики Беларусь становление новых посткапиталистических (нравственных) финансово-кредитных отношений может стать важным фактором обеспечения экономической безопасности как за счет роста устойчивости национальных кредитных институтов в условиях глобального финансового кризиса, так и за счет расширения возможных потребителей кредитных ресурсов – основы для роста внутреннего спроса и расширения экспортного потенциала. В качестве одного из первых шагов в этом направлении может стать, например, создание христианских и исламских банков;

- внедрения новых посткапиталистических механизмов конфигурации управления персоналом (в хозяйственных субъектах и государственных учреждениях) на основе широкого использования социального капитала, накопленного как на уровне общества, так и на уровне экономических субъектов. Так, если на стадии поиска работы социальный капитал позволяет минимизировать асимметрию информации на рынке труда (то есть снижает индивидуальные транзакционные издержки), то после трудоустройства социальные связи работника являются дополнительным ресурсом (социальным капиталом) для организации. Для самого работника использование возможных социальных сетей создает условия для повышения его индивидуального социального потенциала, в том числе и за счет ресурсов организации, в кото-

рой он трудится. Последнее выступает фактором повышения индивидуального профессионализма и дальнейшего карьерного роста. В современных условиях хозяйствования этого, однако, недостаточно для укрепления экономической безопасности страны. Необходимо, чтобы при использовании работником социального капитала и его накоплении permanently присутствовал «нравственный фильтр», ограничивающий пределы возможного эгонального поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурдьё, П. Социология политики / П. Бурдьё; пер. с фр.; сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
2. Дискин, И.Е. Предисловие к статье Дж. Коумана «Капитал социальный и человеческий» / И.Е. Дискин // *Общественные науки и современность*. – 2001. – № 3. – С. 121.
3. Дискин, И.Е. Хозяйственная система России: проблемы институционального генезиса / И.Е. Дискин // *Общественные науки и современность*. – 1998. – № 4. – С. 8–18.
4. Коулман, Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // *Общественные науки и современность*. – 2001. – № 3. – С. 121–139.
5. Маркс, К. Нищета философии: соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955. – Т. 4. – С. 65–185.
6. Радаев, В.В. Новый институциональный подход и деформализация правил в российской экономике / В.В. Радаев // *Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу*; сост. и науч. ред. В.В. Радаев. – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 169–172.
7. Радаев, В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация / В.В. Радаев // *Экономическая социология*. – 2002. – № 2. – С. 27–39.
8. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь (по итогам 2003 года) / А.Н. Коршунов [и др.]. – Минск: ГУ «БелИСА», 2004. – 176 с.
9. Наука и инновации в Республике Беларусь. 2003: стат. сб. / В.Н. Темашевич [и др.]. – Минск: ГУ «БелИСА», 2004. – 172 с.
10. Развитие науки в Беларуси в 2002 году: аналит. докл. / М.И. Артюхин [и др.]. – Минск: ГУ «БелИСА», 2003. – 178 с.
11. Сорокин, П.А. Система социологии: в 2-х т. / П.А. Сорокин (1920). Т. 1, 2. – М.: Наука, 1993.
12. Baron, S. Social Capital: Critical Perspectives / S. Baron; J. Field and T. Schuller (eds.). – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 321 p.
13. Lin, N. Social Capital: A Theory of Social Structure and Action / N. Lin. – N.Y.: Cambridge University Press, 2000. – 378 p.
14. Bourdieu, P. Forms of Capital / P. Bourdieu // *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*; ed. by J.G. Richardson. – N. Y., 1983. – P. 249–250.
15. Coleman, J. Social Capital in the Creation of Human Capital / J. Coleman // *American Journal of Sociology*. – Vol. 94. Supplement. – P. 95–120.
16. Dahrendorf, R. Class and class conflict in industrial society / R. Dahrendorf. – N.Y., 1959. – 65 p.
17. Kraus, I. Stratification, Class, and Conflict / I. Kraus. – N. Y., 1977. – 203 p.
18. Putnam, R. Who Killed Civic America? / R. Putnam // *Prospect*, March. – 1996. – P. 66.
19. Weber, M. The theory of social and economic organisation / M. Weber. – N.Y.: Academic press, 1947. – P. 424–499.

Поступила 02.03.2015

SOCIAL CAPITAL AS AN ECONOMIC RESOURCE

S. SOLODOVNIKOV

In the article the essence of social capital as an economic resource is described. The author considers the social capital as a sum of benefits received by subjects from mutual certain information actions (as the set of the interpersonal relations reducing transaction expenses) made for mutually beneficial cooperation which is reached by information exchange and allows to receive tangible social and economic benefits. It is proved that specific feature of the social capital is that its cumulative quantity in society is not the same as the sum of "social capitals" of all social and economic subjects. The directions of strengthening of economic effect in Republic of Belarus from growth of social capacity of society and improvement of forms of its capitalization are shown.